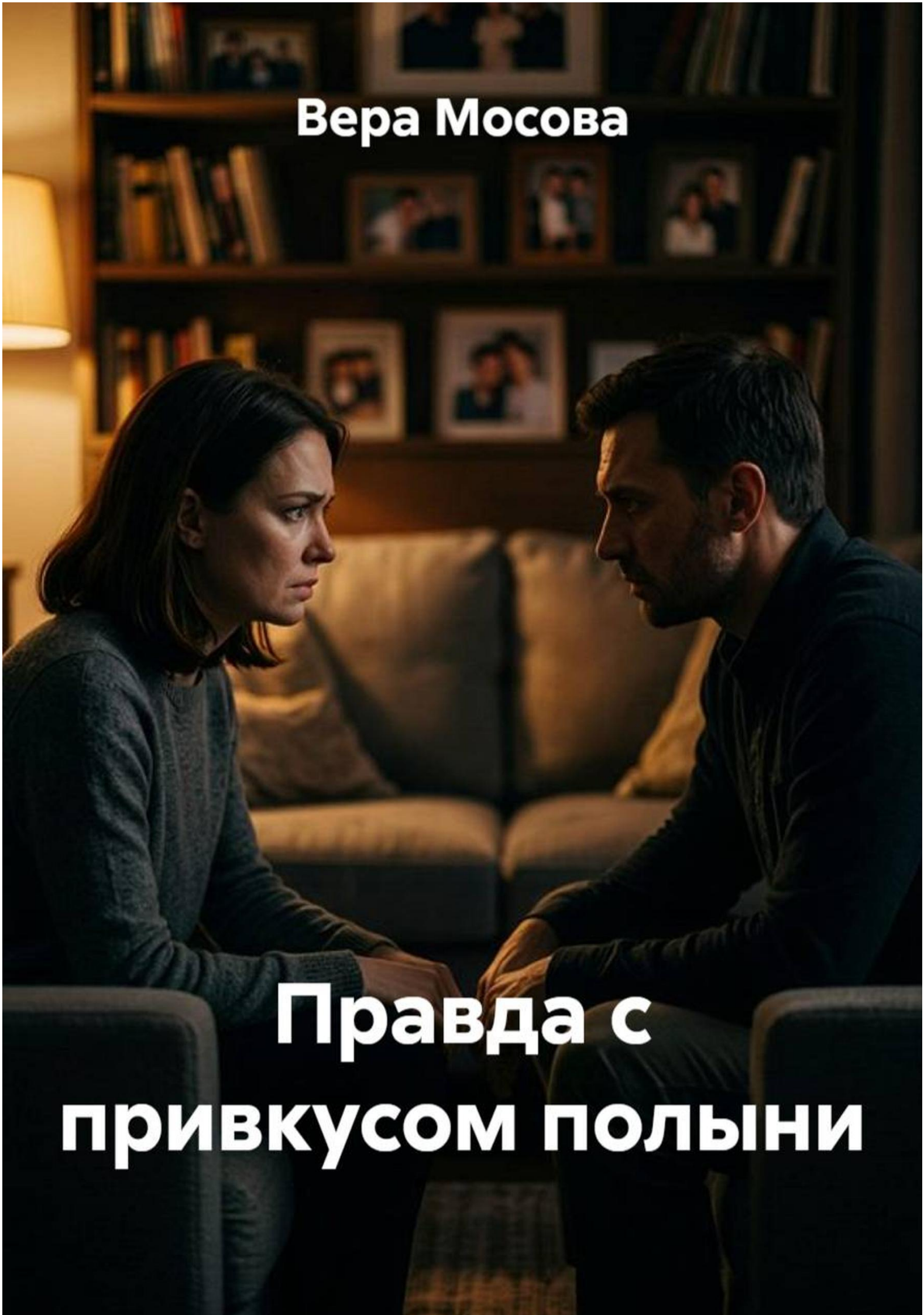
Вера Мосова
Правда с привкусом полыни

Вера Мосова

Правда с привкусом полыни

«Автор»
2026

Мосова В.

Правда с привкусом полыни / В. Мосова — «Автор», 2026

В прошлом героини произошло событие, о котором она предпочитает не вспоминать, скрывая страшную историю даже от мужа, самого близкого ей человека. Но именно это происшествие влечет за собой следующее, о котором они умалчивают уже вместе. И все ради благополучия семьи. Но однажды правда все-таки открывается, и никому это не приносит радости.

© Мосова В., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 6
Глава 2 9
Глава 3 12
Глава 4 15
Глава 5 18
Глава 6 21
Глава 7 24
Глава 8 27
Глава 9 30
Конец ознакомительного фрагмента. 32

Правда с привкусом полыни

Глава 1

Жизнь очень похожа на поездку в общественном транспорте. Одни люди входят, другие выходят, а ты едешь себе дальше. О ком-то из сошедших сожалеешь и надеешься встретить вновь, от кого-то сам устраняешься с радостью – век бы их не встречать. Да и те, кто по-прежнему рядом, значимы для тебя в разной степени. Кто-то уже готов сойти на следующей остановке, повинуясь обстоятельствам, и тебе жаль расставаться с ним, но ничего не поделаешь, это жизнь, а кто-то останется рядом до конечной, и его присутствие будет придавать определенный смысл твоему существованию.

Кира решительно встала и направилась к выходу. Да что за мысли такие у нее сегодня?! Расфилософствовалась вдруг. И с чего бы это? Чуть свою остановку не проехала. Эх, не вовремя у нее машина сломалась.

– Женщина! Зонтик! – раздалось за спиной, и Кира обернулась на звонкий голос, пробившийся сквозь скрежет притормаживающего трамвая.

Взгляд ее выхватил зонтик, сиротливо лежащий на сиденье, она быстро взяла его, машинально поблагодарив внимательную попутчицу, и вновь устремилась к выходу.

– Кира, ты? – знакомый мужской голос удивленно взвился где-то позади, но Кира уже ринулась в раскрывшуюся дверь и позволила себе обернуться, лишь ступив с подножки на бетонную площадку.

Этот голос она не спутала бы ни с одним другим. Но как? Откуда? Зачем? Двери за спиной сомкнулись, и мелькнувшее за мутным стеклом лицо вскоре исчезло, хотя голос еще пульсировал в ее голове, сливаясь с перестуком колес удаляющегося трамвая. Женщина с минуту постояла в растерянности, потом машинально провела рукой по коротко остриженным темным волосам, словно откидывала несуществующие длинные пряди со лба к затылку, и двинулась к переходу.

Она шагала, подобно механической кукле, ноги двигались сами по себе, а голова как будто отключилась. Да что голова, даже сердце, казалось, на какой-то миг остановилось, а потом заколотилось с бешеной скоростью, толкая кровь к вискам. Прошлое накатило на нее подобно вот этому грохочущему трамваю, расплющило неумолимой сталью смыкающихся с рельсами колес и лишило возможности здраво мыслить. Кира опустилась на первую попавшуюся скамейку и прикрыла глаза. Еще влажное от недавнего дождя сиденье сразу дало о себе знать, но женщина словно не замечала этого. Знакомый до боли голос, почти забытый и совершенно нереальный, пульсировал в голове. Его не должно быть, этого голоса, как и самого человека, которому он принадлежал. Его нет. Он давно умер.

– Ма-а-ам, ты чего тут? – раздался вдруг рядом голос Варьки, заставил Киру вздрогнуть и выдернул наконец из черной дыры внезапно свалившегося на нее прошлого. – А где твоя машина?

– В сервисе оставила до завтра, – с недоумением глядя на дочь, ответила Кира.

Варька стояла напротив, нетерпеливо переминаясь с ноги на ногу. Белые кроссовки с разноцветными шнурками, широкие серые брюки, почти волочащиеся по земле, свободное худи с натянутым на голову капюшоном. Типичный подросток, каких тысячи. Одежда на пару размеров больше нужного. Ох уж этот оверсайз…

– Ты что? – изумилась дочь. – На мокрую скамейку уселась?

– Да она почти сухая, – проговорила Кира, мгновенно освободившись от навязчивых воспоминаний.

– Как же! – возразила Варька, тряхнув головой, и непослушная голубая прядь выбилась из-под капюшона.

Вчера, помнится, ее волосы имели розовый оттенок.

– Кто-то у нас решил закосить под Мальвину? – придя в себя окончательно, спросила Кира с привычной иронией.

– Ну, мам! – огрызнулась дочь.

– Папа видел? – продолжила допрос мать.

– Видел.

– И что?

– В обморок не грохнулся, ремнем не пригрозил, – дерзко ответила Варька, картинно закатив глаза.

Да уж, время обмороков, пожалуй, у них еще впереди. Скоро самой злободневной темой в семье станут пирсинги и татушки. Дочь пока лишь робко заикается о своих желаниях, но не рискует пойти против воли родителей. А потому отрывается с экспериментами над волосами. Кира обреченно вздыхает, глядя на эти чудачества. Волосы не ноги, отрастут – подшучивает порой муж, пытаясь ее утешить. Но она уже чувствует, как под натиском подростковых поветрий потихоньку рушится плотина родительских запретов, и скоро ее снесет окончательно. В подтверждение этого Варька заискивающе смотрит на мать и выдает:

– У нас тут это… типа… вечеринка намечается. Короче, собираемся у Соньки сегодня вечером. Первый день лета, начало долгожданных каникул, свобода и все такое. День защиты детей к тому же.

– И? – строго спросила Кира. – Что от меня требуется? Разрешение? Деньги? Или еще чего?

– Разрешение, конечно. И деньги тоже. Мы же на всю ночь. Точнее, на две. На дачу.

Дочь смотрит с вызовом, словно заранее уверена в отказе. Вот оно! Начинается. Компании, дачи, вечеринки. А дальше что? Подвалы, тусовки, сигареты?

– Кто еще с тобой едет? Взрослые будут? Кто там за вами присмотрит?

Варька картинно вздыхает и язвительно произносит:

– Зачем нам взрослые? Сегодня же день защиты детей от взрослых! Расслабон на полную катушку. Там еще и сигареты, и выпивка будут непременно! Без них никак!

Она еще и издевается! Понимает паршивка, чего Кира боится.

– Ма-ам! Сколько можно за мной присматривать? Я уже взрослая! Даже паспорт имеется! – возмущенно продолжает дочь и в сердцах плюхается рядом с матерью, но тут же вскакивает. – Ого! А говорила, что скамейка не мокрая!

Мать тяжело вздыхает. Взрослая она! Как же! Знает Кира, чем подобные вечеринки могут закончиться для таких взрослых. Не понаслышке знает, сама через это прошла.

– На самом деле там Сонькина бабуля живет, так что можешь не волноваться, все будет тип-топ, – продолжает Варя более миролюбиво.

Присутствие бабушки, конечно, слегка утешает, но ничего не гарантирует. Что бы такое придумать и запретить поездку, но при этом не настроить дочь против себя?

– Надо с папой посоветоваться, – осторожно говорит мать.

– Начинается! – снова закатывает глаза Варвара. – Сразу так и скажи, что не хочешь меня отпускать. Типа, не доверяешь и все такое.

– Типа, не доверяю и все такое, – повторяет за ней Кира, поднимаясь со скамьи. – Идем домой, там и поговорим.

– Мне через час уже на электричку бежать! – нервно продолжает дочь. – Всех девчонок отпустили, только ты опять упираешься.

– Всех – это кого?

– Ленку и Дашку, – нехотя поясняет надутая девица и сердито передергивает плечами.

Кира помолчала и с недоверием спросила:

– И что, ни одного мальчика с вами не будет?

– Не знаю, – резко бросила Варька и надулась.

Но мать была убеждена, что все она знает, только говорить не хочет. Иначе зачем бы так рвалась на эту вечеринку?

– Сейчас мы придем домой и все обсудим с папой, – как можно спокойнее проговорила Кира, уже понимая, что на сей раз придется уступить дочери.

Но та лишь фыркнула в ответ и ускорила шаг.

Хорошо, что Варька пока не бунтует слишком уж радикально. Сама Кира в ее возрасте уехала бы без разрешения. Просто махнула на все рукой и вперед, а там будь что будет. Дочь пока держится, но уже на грани. Похоже, пришло время пересмотреть систему запретов, иначе неизбежен подростковый бунт, предотвращать который с каждым днем становится все сложнее. Это как черная грозовая туча на горизонте: ты видишь, что она уже надвигается, но в какой момент взорвет небо над твоей головой, не знаешь.

Глава 2

Варвара, конечно же, поехала с подружками на дачу. Сергей сам предложил отвезти всех на машине, и Кира знала, что муж вернется с детальным рассказом о том, в каких условиях дочь проведет ближайшие пару дней. И чего она нервничает? Все же нормально. Дочка взрослеет и чем дальше, тем все чаще будет проводить время вне дома, просто родителям надо с этим как-то примириться. Но нервничает Кира не столько из-за Варьки, сколько из-за неожиданного оклика в трамвае. Он весь вечер не дает ей покоя. Голос, так поразивший ее, прилетел из тех давних времен, когда сама Кира была чуть старше дочери, но такая же самонадеянная, амбициозная и категоричная. Правда, обстоятельства, выпавшие на ее долю, с Варькиными не сравнить. Все в ее жизни было иначе. Но об этом Кира предпочитает не вспоминать. А оно вдруг всплыло, ее незваное прошлое, обрушилось навязчиво и неумолимо, да и накрыло с головой. Она еще сопротивлялась, не желая погружаться в глубины растревоженной памяти, но все было бесполезно. Особенно сейчас, когда Кира осталась одна дома. Лучше бы она поехала с Сергеем, но места в машине, увы, не хватило. Да и Варька недвусмысленно намекнула, что в конвое не нуждается. И вот теперь Кира бродит по пустой квартире, то и дело выходя на балкон и снова возвращаясь в комнату. Включает телевизор, пробегает по каналам и снова отключает его. Потом идет на кухню, варит себе кофе и с дымящейся чашкой шагает на балкон. Она обводит взглядом двор, машинально опускается в старое плетеное кресло, снова вскакивает, забыв о кофе, и направляется в комнату. За вечер она несколько раз хваталась то за пылесос, то за тряпку, а то шла загружать стиральную машинку. В голове неумолимо всплывал знакомый до боли голос. Она не слышала его лет двадцать, но в трамвае сразу узнала. И хотя звучал он теперь несколько иначе, пожалуй, сильнее и насыщеннее, не узнать его было невозможно. Кира, ты? – неумолимо крутилось в голове. Я, Кирюха, я! И не я. Той Киры нет давно. И парня того нет. Тебя нет, Кир. Не должно быть. Ты умер, тебя убили. И Кира умерла. Та дерзкая девчонка навеки осталась в темном парке, распятая на земле, истекающая кровью, сломленная и отчаявшаяся. Финал. Занавес. И пробивающийся сквозь вязкую пелену в голове визгливый от страха голос:

– Звездец, пацаны! Линяем! Этот урод, походу, ласты склеил!

Сигнал из ванной, оповестивший об окончании стирки, вырвал ее из вязкого прошлого. И снова Кира отправилась на балкон, теперь уже с бельевой корзиной в руках. Аромат сирени, разносимый легким теплым ветерком, витал в воздухе. Она вдохнула его полной грудью, словно пытаясь вытеснить этой заманчивой свежестью свое мрачное настроение. Невольно залюбовалась закатным солнцем, преобразившим еще влажный после дождя двор, и неожиданно вздрогнула, остановив взгляд на незнакомом мужчине в джинсах и светлой ветровке. Он стоял на дорожке и оглядывался по сторонам. Что-то едва уловимое, но очень знакомое читалось в его осанке. Кирилл! Первой реакцией Киры было желание спрятаться, и она мгновенно присела, укрывшись за балконным ограждением. Почему она так сделала? Если это действительно Кирилл, ей надо с ним поговорить, узнать, как он выжил, где пропадал все эти годы. С чего вдруг она ведет себя, как глупый подросток? Вот дурища! Но вновь посмотреть вниз почему-то было страшно. Наконец Кира поднялась во весь рост и оглядела двор. Мужчины уже не было. Сердце бешено колотилось, руки не слушались. Она старательно встряхивала белье и развешивала его на веревках, но прищепки то и дело выскальзывали из рук и валились на пол. Неловко повернувшись, Кира задела столик и опрокинула чашку с остывшим кофе. Да что же это такое? Надо заканчивать с делами на сегодня, иначе ущерба будет больше, чем результатов.

Устранив следы собственного разора, женщина вернулась в комнату. Остаток вечера она провела перед телевизором, но по-прежнему погруженная в себя. Наконец приехал Сергей, и Кира буквально засыпала его вопросами. Тот обстоятельно рассказал, как довез Варю с подру-

гами до дачи, как познакомился с Сониной бабушкой Тамарой Васильевной, которая произвела на него весьма приятное впечатление. Это была еще довольно бодрая женщина с командирским голосом и решительными жестами, у такой не забалуешь. Она быстро организовала девчонок готовить ужин, и те послушно взялись за работу: одни резали овощи, другие нанизывали на шампуры сосиски. Сергей помог им разжечь мангал и уехал, пообещав забрать юных дачниц через два дня.

– И никаких мальчиков? – спросила Кира.

– И никаких мальчиков, – с улыбкой ответил Сергей и притянул жену к себе. – Кальянов и косячков в обозримом пространстве тоже не наблюдалось.

Кира улыбнулась. Успокоенная подробным отчетом мужа, она подумала о том, что ничего страшного не произошло. Варька просто отдыхает с подружками, причем под присмотром взрослого человека, которому вполне можно доверять. А ей остается лишь расслабиться и переключиться на что-нибудь позитивное.

В объятиях мужа, мягких и крепких одновременно, она всегда чувствовала себя маленькой девочкой, надежно защищенной от мирского зла. А уж зла в ее прошлой жизни было предостаточно. Но это еще до того, как она познакомилась с Сергеем.

Их первая встреча случилась теплым июньским деньком на оживленной улице областного центра, когда Кира шагала, озираясь по сторонам в поисках нужного адреса.

– Девушка, вам помочь? – спросил какой-то парень, одновременно пытаясь взять из ее рук объемную сумку.

– Отвали! – буркнула Кира, не поворачивая головы.

– Вас кто-то обидел?

– Отвали, сказала!

– Очень приятно, а я Сергей! – парень встал перед ней, загородив дорогу. – Давайте, я все-таки помогу.

Он выглядел явно старше нее. Высокий, кареглазый, с густой шевелюрой черных волос, мягкой улыбкой и вполне миролюбивым настроем. К тому же было в нем что-то такое, что совершенно обезоружило бы любого. Но только не Киру.

– Слушай ты, помощник хренов! – девушка уже кипела от его навязчивости. – Сказано тебе отвали, значит, отвали!

Но парня это почему-то не смутило.

– Я же вижу, что вам помощь нужна. Вы явно что-то ищете. Может, я подскажу?

– А подскажи, прилипала! – глянув на него с прищуром, проговорила Кира. – Я ищу Заводскую улицу.

– Так это надо в обратную сторону! – воскликнул парень. – Давайте, я вас провожу. Номер дома какой?

– Может, еще и номер квартиры сказать? – проворчала Кира, но все-таки пошла с ним и даже позволила поднести ее сумку.

Она только что приехала в город, в котором совсем не ориентировалась, и искала дом своей тетки. Вот этот самый, где они сейчас живут. Сергей проводил ее до двери подъезда и, когда девушка вошла внутрь, спокойно уселся на скамейку, как будто был уверен, что она сейчас же вернется. Так и вышло. Тетки не оказалось дома. А кто ж станет прохлаждаться в разгар рабочего дня?

Кира плюхнулась на скамейку рядом с Сергеем. Он ничего не спросил, а просто взял ее за руку и проговорил:

– Пойдем ко мне в общежитие, тут недалеко, отдохнешь немного. Ты ведь устала, я вижу. А вечером я тебя провожу.

– Ага, а потом потребуешь расплату! – выдернув руку, буркнула девушка. – Ты натурой берешь или как?

Парень даже слегка растерялся от ее слов.

– Слушай, я никого ни к чему не принуждаю. Если тебе нужна помощь, пойдем со мной. Если нет, тогда сиди тут до морковкина заговенья.

И вот это самое «морковкино заговенье» решило все. Так обычно говорила ее бабушка. От знакомого с детства выражения повеяло невероятным теплом.

Кира поднялась со скамейки и послушно пошла с Сергеем, хоть и продолжала держаться настороженно. Она тогда никому не доверяла. Но этот парень так обезоруживающе улыбался, что грубить ему почему-то расхотелось. Вахтерша в студенческом общежитии, поворчав для порядка, все-таки пропустила Киру и даже позволила оставить на вахте ее большую сумку. Новый знакомый поил гостью чаем из граненого стакана, и недоверие, ледяным комком сидевшее внутри, незаметно таяло с каждым новым глотком. Сергей был тогда студентом политеха, а Кира только что окончила ПТУ, став швеей, правда, в другом городе, из которого она сбежала тайком от всех. Но делиться своим прошлым она не была готова, хотя с удовольствием слушала парня, который долго рассказывал ей забавные истории из своего детства, проведенного в небольшом южном городке на берегу моря. Моря Кира никогда не видела, и ей было интересно все, что с ним связано. Да и сам Сергей, спокойный и уверенный в себе, неожиданно вызвал у нее симпатию. Было в нем что-то такое, чему она не могла дать определения. С той поры они стали добрыми друзьями. Но пройдет еще много времени, прежде чем Кира рискнет поделиться с ним горькими воспоминаниями своего детства, очень уж непросто складывалась ее жизнь.

Глава 3

Кира рано лишилась матери и совсем ее не помнила. Лишь портрет в рамке на стене да редкие фотографии в семейном альбоме поддерживали светлый образ в сознании девочки. Да еще бабушкины рассказы. Именно бабушка Варя, отцова мать, взяла на себя все заботы о трехлетней внучке, заменив сиротке родителей. После похорон она решительно заколотила свой старый деревенский дом и перебралась в райцентр к сыну, прихватив лишь самую малость прежнего немудреного скарба. Все ее вещи уместились в окованном железом старинном сундуке, который водрузил на громыхающую телегу сельский конюх Семен. Он и доставил Варвару Петровну в небольшой бревенчатый дом на окраине Купельска, где жил ее сын Николай. Помимо сундука, на телеге громоздилась большая клетка с курами, расстаться с которыми хозяйка не смогла. К счастью, на подворье сына имелся вольер для гусей, а где одна птица живет, там и другая поселится. Непросто было в таком возрасте сниматься с насиженного места, но оставить на произвол судьбы любимую внучку Варвара Петровна не могла. В общем, решение было принято, а потому собственный дом и деревенский огород были принесены бабулей в жертву.

Отец обычно до позднего вечера пропадал на работе, возвращался угрюмый и часто с запахом спиртного. Бабушка тяжело вздыхала, кормила его ужином, а иногда Кира слышала, как она негромко выговаривала сыну:

– На мать родную тебе наплевать, так хоть о дочери подумай. Я-то все стерплю, а ей какая радость видеть твою хмурую рожу? Ребенку тепла надобно, душевного покоя. А что ты ей несешь? Ты хоть раз улыбнулся дочери за эти дни?

– У меня траур, как ты не понимаешь?! Жизнь закончилась! – возражал Кирин отец. – Душа выстыла напрочь. А ты про улыбки. Где я сил возьму улыбаться?

– Ты так и девке душу выстудишь! – не унималась бабуля. – А ей сейчас как никогда твоя забота нужна, чтобы сиротинушкой себя не ощущать.

И Варвара Петровна изо всех сил старалась обогреть малышку. За всех старалась: и за себя, и за ушедшую мать девочки, и за раздавленного горем отца. Она повсюду брала внучку с собой, ни на минуту не оставляя ее в одиночестве, и при этом постоянно что-то приговаривала или напевала. И неважно, была это меткая поговорка, детская считалочка или озорная частушка. Все было к месту.

Кира любила ходить с бабулей «в лавку», так старушка называла небольшой магазинчик в их районе. Обратно они обычно возвращались с каким-нибудь лакомством, а следом за ними бежал верный страж – косматый пес Шарик. Кира обожала животных, ее любимицей была зеленоглазая кошка Мурка, особа весьма своенравная, но при этом очень привязанная к своей юной хозяйке. А еще девочка с удовольствием кормила гусей и кур, бросая им еду под бесконечные бабушкины прибаутки.

– Гуси-гуси! – начинала бабуля, подходя к вольеру с птицей, и внучка тут же подхватывала:

– Га-га-га!

– Есть хотите?

– Да-да-да!

А уж если у них появлялись цыплята или гусята, Кира готова была часами наблюдать за ними, охраняя от пронырливой Мурки и вездесущего Шарика. Тогда мир вокруг казался девочке невероятно интересным, и центром этого мира была, конечно же, бабуля.

– Гриб обабок, шляпа набок, – говорила она с улыбкой, водружая на голову внучки широкополую панаму в жаркий летний полдень.

Запас бабушкиных прибауток был неиссякаем, и Кире это безумно нравилось. Вечерами они вдвоем поливали огород.

– Сама садик я садила, сама буду поливать, – частушечным речитативом заводила бабуля, набирая в лейку воду. Лейка была старая, большая, из оцинкованного металла, бабушка с трудом ее поднимала, непременно покряхтывая при этом, а у Киры – маленькая, из желтого пластика, с ярким красным рассеивателем на носике.

– Кабачок, кабачок – тоненькие ножки… – затягивали поливальщицы дуэтом, водя лейками над кабачковой грядкой, – мы тебя поили, мы тебя кормили...

– Сидит девица в темнице, – переходя к морковной грядке, приговаривала бабушка нараспев, – а коса…

– На улице! – подхватывала Кира.

Однажды она и в самом деле заплела косу из морковной ботвы, ухватив хвосты сразу трех морковок. Хотела порадовать бабулю, но та почему-то нахмурилась.

– Теперь придется их вырвать, иначе расти перестанут, – строго сказала Варвара Петровна и с улыбкой добавила:

– Зато сегодня у нас будет морковный десерт. Сама вырастила морковку, сама и есть ее будешь.

Десерт этот в виде натертой моркови с сахаром Кира уплетала за обе щеки. И не по причине большой любви к яркому овощу, просто новое для нее слово «десерт» положительно повлияло на аппетит девочки.

Они пели и про картошку, которая объеденье и пионеров идеал, и про зелененького кузнечика, похожего на огуречик, и про рябину кудрявую. Если не песня, то какая-нибудь присказка непременно находилась. И всегда оно было к месту, всегда радовало, внося в жизнь малышки новые краски. Жаль, что это длилось так недолго.

Еще они с бабулей собирали на лугу лекарственные травы. Небольшие сухие пучки полыни, пижмы, тысячелистника висели на стене кухни, наполняя дом весьма своеобразным ароматом.

– Фу, бабушка, они воняют! – возмущалась порой Кира.

– Зато лечиться помогают! – отвечала та.

Зимними вечерами бабуля с внучкой занимались рукоделием. Варвара Петровна была твердо убеждена, что всякая женщина должна уметь шить, вязать, вышивать, да что там, элементарно чинить одежду: пуговицы пришивать, заплаты ставить или мелкими аккуратными стежками штопать дырки на вещах. И всему этому она обучала внучку. Открывался большой бабушкин сундук, ударяя в нос Киры нафталиновым духом, оттуда извлекались настоящие сокровища: пяльцы, спицы, иглы, кусочки ткани, пряжа, нитки разных цветов – и начиналось действо. Очень терпеливо, опять же с шутками и прибаутками, бабуля показывала Кире что и как делать, а та повторяла за ней несложные манипуляции, высунув от старания кончик языка. Конечно, не все сразу получалось. В таких случаях бабуля обычно приговаривала:

– Шила милому кисет – вышла рукавица.

В шесть лет девочка уже связала свои первые носки, в семь – обвязала тонким кружевом носовой платок, а вскоре сшила первое настоящее платье для куклы, освоив бабушкину машинку, что было предметом ее особой гордости. Едва ли кто-то из ее сверстниц мог похвастать, что умеет шить на машинке. Платье получилось нарядное, было оно из цветастого ситца, с белым воротничком и оборкой по подолу. Конечно, все делалось не без помощи бабушки, но Кира была безмерно горда собой и ждала заслуженной похвалы от своей наставницы.

– Когда-нибудь ты станешь шить наряды для себя, – говорила бабуля, – и это будут такие платья, каких ни в одном магазине не купишь. Эксклюзив!

Что такое эксклюзив, Варвара Петровна пояснила весьма туманно, но Кира поняла, что это будет что-то особенное. И с той поры она мечтала о своем первом собственноручно сшитом платье.

А еще Кира любила готовить вместе с бабулей. Варила супы и каши, жарила картошку, даже блинчики сумела освоить.

– Вот обучу тебя всему, тогда и помирать можно, – приговаривала наставница, – главное – знать, что ты тут без меня не пропадешь.

Кира эти слова всерьез не воспринимала, уж слишком часто они повторялись, превратившись в одну из привычных бабушкиных присказок. Да и вообще, разве могла бабуля умереть? Она, с ее неиссякаемыми шутками-прибаутками, была сама жизнь.

Отец, к тому времени уже окончательно пришедший в себя, стал все чаще улыбаться. Вернувшись с работы, он мылся, переодевался и куда-то уходил. Когда возвращался, Кира уже не слышала. Однажды он о чем-то спорил с бабушкой, девочка уловила лишь обрывки разговора.

– Мой дом теперь здесь, – сурово говорила бабуля, – и уезжать в деревню я не собираюсь, а уж тем более оставлять мою кровиночку на растерзание мачехе. Не для того я бросила все, чтобы сейчас остаться не у дел. Надо тебе – съезжай сам, а здесь ноги ее не будет, пока я жива.

Куда съезжать? Чьей ноги? Кира попыталась расспросить бабулю, но та лишь зыркнула на нее сурово и ничего не ответила.

Вскоре Варвара Петровна удачно продала свой деревенский дом каким-то дачникам, положила деньги в банк на имя внучки и строго-настрого наказала:

– Запомни, эти деньги только твои, не вздумай никому их давать, даже если станут требовать. Это я про отца. Он пока не знает, что я дом продала, а я не хочу, чтобы все досталось этой…

Бабуля осеклась, помолчала немного и добавила:

– Ты сможешь их получить не раньше своего совершеннолетия. А лучше – к свадьбе.

– Вот ты сама и получишь их к моей свадьбе, – рассудила Кира.

– Если доживу, – как-то слишком уж серьезно ответила Варвара Петровна, протягивая внучке сберкнижку, – а это мы сейчас спрячем.

В ящик письменного стола они с бабулей постелили лист плотного картона, вырезанный из большой коробки точно по размеру днища, под ним образовался отличный тайник, где можно было хранить разные секретики. Там и поселилась небольшая, но очень важная книжица.

Кира училась во втором классе, когда Варвары Петровны не стало. Она ушла скоропостижно, так же легко, как жила, не доставив никому лишних хлопот. Пустоту, образовавшуюся после похорон, казалось, невозможно было заполнить ничем. Недолгие пять лет все в этом доме жило благодаря бабуле, подпитывалось ее энергией, звучанием ее голоса. И как будто умерло вместе с ней. Кира ходила по мертвому дому, касалась ладонями тех вещей, которые еще помнили тепло бабулиных рук, горько вздыхала и утирала слезы. Иногда распахивала сундук, перебирала хранящиеся там сокровища, брала в руки спицы или крючок, пытаясь что-то связать, но вскоре снова клала на место – ничего не получалось без бабушки. Казалось, без ее задорных побасенок и присказок все в этом доме утратило силу и смысл.

Глава 4

Сергей уже давно спал, а Кира, растревоженная событиями прошедшего дня, никак не могла заснуть, прокручивая в голове все, что сегодня случилось. После работы у нее не завелась машина. Пришлось вызывать эвакуатор и отправляться в сервис. Но там оказалось очень много заказов, и Кире сказали, что смогут посмотреть ее автомобиль только завтра. Вот потому и ехала она домой на трамвае. А потом этот голос из прошлого, потом Варька с ее сюрпризами. Может, и хорошо, что она такая растет, дерзкая и самостоятельная. Легче будет девчонке в жизни пробиваться. Лишь бы не нарвалась на серьезные неприятности. Характерец-то соответствует имени, поистине варварский. В честь любимой бабы Вари названа. Правда, та была совсем другой. И Кира снова перенеслась мыслями в свое детство.

С потерей любимой бабули жизнь ее кардинально поменялась. В доме появилась Раиса Ивановна – новая папина жена. Кира отлично помнит момент их первой встречи.

– Вот, Раечка, этот дом теперь твой, – делая широкий жест рукой, сказал папа незнакомой женщине с перманентом и ярко накрашенными губами.

Глаза из-под ярко-голубых век смотрят с прищуром. На ней облегающее платье с крупными розовыми цветами на бирюзовом фоне, красные бусики на шее и туфли-лодочки, которые незнакомка поспешила снять у порога. Эту тетеньку девочка видела впервые. Она с недоумением уставилась на отца. Что значит «твой»? Это Кирин дом. И бабулин. Ну и папин, само собой. При чем тут эта чужая тетя?

– Знакомься, доча, это твоя новая мама, – ответил отец на ее немой вопрос.

Раиса при этих словах расплылась в леденцово-приторной улыбке, подошла к Кире и погладила ее по голове.

– Здравствуй, доченька, я теперь твоя мама Рая.

Кира не знала, как на это реагировать. С одной стороны, тетка была совершенно чужой, и жить вместе с ней не очень-то хотелось, а с другой – появилась надежда, что этот дом наконец оживет после смерти бабушки, скинет гнетущую пелену уныния, снова наполнится улыбками, шутками, песнями. Ведь теперь тут будет жить настоящая семья: папа, мама и дочка. Может, и в самом деле так будет лучше? Кира с надеждой посмотрела на незнакомку, уже почти готовая считать ее своей матерью и, конечно же, любить, как родную.

Вскоре из дома исчезли некоторые вещи, в частности, бабушкин сундук, старое потертое кресло и фотопортрет мамы в деревянной рамке. Зато появилась новая мебель и белоснежные тюлевые шторы на окнах. Все старое нещадно вывозилось на свалку, либо сжигалось в печи. Однажды девочка увидела на шестке кучку из сухих бабушкиных букетиков, будущее которых было предопределено. Она схватила первый попавшийся пучок и унесла в свою комнату, это оказалась полынь. Спрятанная в одном из ящиков письменного стола, она еще долго напоминала внучке о любимой бабуле, источая свой неповторимый горьковатый аромат.

Кира чувствовала, как дом утрачивает не только былой вид, к которому она привыкла, но и прежний дух, пропитавший это жилище. Раиса целенаправленно вытравливала все, что было до нее. С одной стороны, дом обретал более современный облик, с другой – безвозвратно терял свое лицо. Девочка еще тешила себя надеждой, что в новом интерьере возродится новая счастливая жизнь. У них ведь теперь настоящая семья, и все они будут любить друг друга.

Но полюбить Раису у Киры так и не получилось. Поначалу та была добра к падчерице, называла ее разными ласковыми словами, улыбалась и гладила по голове. Но вскоре девочка заметила, что так она ведет себя только при отце, а оставшись наедине с ней, как будто перестает ее замечать. Потом исчезла кошка Мурка, и Кира, вернувшись из школы, долго искала ее по окрестностям, плакала, звала, но все безуспешно.

– Чего ты воешь?! Пропала и ладно, меньше грязи в избе будет, – буркнула Раиса.

– Она хорошая, – размазывая по лицу слезы, говорила девочка, – я ее люблю.

– Вон пса люби, он хоть грязь в дом не тащит и от воров охраняет, а от кошки сплошная антисанитария! – не глядя на Киру, рявкнула мачеха.

Кира давно заметила, что кошка была ей не по нраву. Неужели это Раиса от Мурки избавилась? Не хотелось в это верить, ведь бабуля говорила, что обижать беззащитные существа – великий грех, и хороший человек никогда так не сделает. А если человек нехороший? И Кира призадумалась.

Вскоре начались придирки и нравоучения: то пол Кира затоптала, то воду расплескала, то посуду плохо промыла. Потом Раиса стала жаловаться на нее отцу, но преподносила это как милую невинность, которую она понимает и прощает, хотя наедине уже обругала за это девочку на чем свет стоит. Постепенно претензии к Кире росли и множились, причем, были они такими глупыми, что вызывали недоумение, и ходит-то она не так, и смеется некрасиво, и игры у нее дурацкие. Что бы она ни делала, во всем находился изъян. И Кира чувствовала, как под воздействием Раисиных жалоб отец постепенно отстраняется от нее, становится чужим, закрытым, хотя, если честно, они и не были близки никогда. А тут еще бабулино наследство встало у него поперек горла. По требованию жены он поехал в деревню, чтобы посмотреть, в каком состоянии находится дом его матери, и прикинуть, сколько можно за него выручить. Вернулся злым.

– Ты знала, что бабка твоя дом продала? – грозно спросил он у Киры.

Кира молча кивнула.

– А чего молчала?

– Ты не спрашивал.

– А деньги где?

Помня наказ бабули, девочка лишь пожала плечами.

– Вот ведь карга старая, без наследства меня оставила!

– Надо бы тебе пойти к нотариусу, – посоветовала Раиса, – наверняка у твоей матери остался счет в банке.

Но от нотариуса отец вернулся еще злее. Ни счета в банке, ни завещания не обнаружилось.

Однажды, вернувшись из школы, Кира увидела родителей, поджидавших ее с каменными лицами. Отец держал в руке сберкнижку. Оказывается, Раиса обшарила письменный стол Киры в поисках новых поводов для придирок к непомерно раздражавшей ее падчерице и, похоже, очень обрадовалась неожиданной находке. Глазки ее поблескивали злорадством.

– Это что? – сурово спросил отец.

– Бабушкино наследство, – смущенно ответила Кира.

– Почему ты это спрятала? Облапошить меня решила? Это мое наследство по праву! Это деньги всей нашей семьи! – жестко сказал он и обвел рукой пространство комнаты, включая в этот круг и Раису.

– Так хотела бабуля, – робко проговорила девочка, уверенная, что уж Раисе-то эти деньги точно не должны достаться, – она не велела никому показывать.

– Мало ли что она хотела! Идем в банк, переведем деньги на мое имя! – скомандовал отец.

– Нет! – твердо ответила Кира. – Не получится. До восемнадцати лет нельзя.

И не сдержала нечаянной улыбки, довольная, что выполнила бабушкин наказ.

– Значит, это останется у меня! – потряс отец книжкой. – И нечего лыбиться!

С той поры злоба, исходившая от взрослых, стала почти осязаемой. Девочка чувствовала себя изгоем в семье. В такие минуты она тайком доставала из ящика своего стола пучок сухой полыни, вдыхала его горьковатый аромат и думала о любимой бабуле. На ум невольно приходили образы мачехи из сказок. Нет, не настолько все плохо – пыталась Кира убедить себя. Ее

ведь не гонят зимой в лес за подснежниками, не заставляют перебирать фасоль и чечевицу или делать другую бессмысленную работу. Ее просто не любят. К тому же едва ли кто-то поверит, как Кире тяжело живется. На людях Раиса Ивановна была сама добродетель, она так достоверно изображала любящую мамашу, что никому бы и в голову не пришло пожалеть бедную сиротку. Она даже на родительские собрания в школу ходила, всем своим видом показывая, как заинтересована в успехах Киры. И люди ей почему-то верили.

В минуты отчаяния Кира придумывала себе другую жизнь. Лежа вечером в кровати, она представляла, будто бабуля вовсе не умерла, а просто уехала обратно в свою деревню и скоро непременно заберет к себе внучку. Приедет однажды, увидит, как ей несладко живется, и увезет. А сыну своему накажет носу к ним не показывать и уж тем более с этой противной Раисой. А там, в деревне, все будет просто волшебно, совсем как в прежние времена: вечные бабушкины прибаутки, песни, разговоры по душам, а еще вкусная каша в горшочке, томленая в печи, и малиновый кисель. И много тепла, много смеха, много счастья. Кира воображала все это, уткнувшись носом в подушку, и изредка всхлипывала, ведь ее выдуманный мир никогда не станет реальностью.

Иногда она представляла, будто Раиса умерла. А почему бы и нет? Умерли ведь мама с бабушкой, а почему же она не может? Вот тогда бы Кира освободилась от невыносимого гнета постоянных упреков и придирок по мелочам. Или так думать нехорошо? Грешно? Ну ладно, пусть бы не умерла, а просто уехала из отцовского дома, сбежала. Они прекрасно будут жить вдвоем с папой, Кира уже многое умеет по хозяйству, справится.

Хоть и понимала девочка, что горькая реальность едва ли может измениться, но все-таки порой предавалась самым настоящим фантазиям, словно наивная малявка. Вот была бы у нее фея-крестная, как у Золушки, она бы ей точно помогла. Или цветик-семицветик, чтобы желания исполнять, или вон в том старом глиняном кувшине поселился бы старик Хоттабыч. Уж он-то точно отправил бы Раису куда-нибудь подальше, в Африку, например. И Кира улыбалась, представляя, как ее мачеха танцует с туземцами возле костра, а на ней только юбочка из травы, похожей на осоку, да красные бусики на шее. Ох уж, эти ее фантазии! Детский сад какой-то. И чего она придумывает себе сказки? Но с ними Кире как будто становилось легче.

Глава 5

Еще невыносимее стало, когда родился Толик. Вся жизнь семьи сразу сосредоточилась на наследнике. Родители души в малыше не чаяли, а Кира тут же превратилась в няньку. Ее будили рано утром и полусонную заставляли сидеть возле проснувшегося брата, пока родители занимаются делами. Прогулки ее теперь были только с коляской, да и прогулками это нельзя было назвать, ведь она непременно должна была сидеть в тени возле дома, когда соседская ребятня резвилась на солнышке. У Толика может случиться солнечный удар! Зато в дождливую погоду ее все так же отправляли на улицу – Толику нужен свежий воздух! И она тоскливо топталась с коляской под навесом, вспоминая бабулины песенки, чтобы успокоить хнычущего братца. Все теперь вертелось вокруг него. Когда Толик спал, вся семья ходила на цыпочках, когда бодрствовал – Кира должна была его развлекать, и неважно, чего в данный момент хотела она сама. Яблоки покупались исключительно для того, чтобы выжать сок для малыша, о Кире даже речи не было, ей, в лучшем случае, доставались яблочные очистки. Теперь бедняжке все чаще прилетало от Раисы по любому пустяку, подзатыльники и затрещины щедро сыпались на нее даже в присутствии отца. Эх, как же ей хотелось надерзить мачехе в ответ, сказать что-нибудь такое, чтобы у той глаза на лоб полезли. Но она лишь смиренно опускала голову. Хорошие девочки должны быть послушными. Так учила ее бабуля.

Как-то раз их навестила Галина, старшая сестра Кириной матери. Приехала неожиданно, без предупреждения, сказала, что у нее в Купельске были дела, вот и решила заглянуть к родственникам. Девочка восторженно смотрела на тетку: она была очень похожа на Кирину мать, фото которой однажды бесследно исчезло со стены. Красивое лицо в обрамлении темных волос и пронзительно-голубые глаза, ласково глядевшие на девочку. Вот она, долгожданная фея-крестная! Неужели сбываются Кирины мечты?

Как ни старалась Раиса выглядеть перед гостьей любящей мамашей, Галина каким-то образом все поняла.

– Хочешь, я заберу тебя отсюда? – спросила она Киру, улучив момент, когда рядом никого не было.

Та, не задумываясь, кивнула в ответ. Тетка жила в областном центре, была одинока и вполне могла создать для племянницы приличные условия. На девочку вдруг повеяло другой, счастливой жизнью, в которой ее могли бы любить, и в душе зародилась надежда. Но разговор Галины с отцом ничего не дал. Дочь нужна ему тут, кто-то же должен помогать по хозяйству, да и присматривать за младшим братом тоже надо. Тетя Галя виновато посмотрела на племянницу, она сердцем чувствовала, как несладко приходится девчонке, но была бессильна против воли ее родителей.

– Запомни мой адрес: улица Заводская, дом двадцать один, квартира двадцать один, – прошептала она на ухо Кире, обнимая ее на прощание, – на всякий случай.

Адрес был несложный, и Кира его запомнила, словно знала, что однажды он ей пригодится.

– С чего это тетка решила тебя забрать? – подозрительно спросила Раиса, когда Галина уехала. – Небось, успела пожаловаться ей на злую мачеху?

– Ничего я не жаловалась! – ответила Кира.

– Знаю я тебя, дрянь неблагодарную! Живешь как у Христа за пазухой, а все недовольна.

И опять на Киру посыпались упреки и претензии, от которых она поспешила укрыться, сев за уроки. Девочка почти смирилась с тем, что ничего в ее жизни изменить невозможно. Она все равно всегда и во всем будет виноватой.

Зато Толику все прощалось и все позволялось. Он рос капризным избалованным увальнем, неженкой и ябедой. Ему доставляло удовольствие стучать родителям на сестру и видеть,

как наказание неминуемо настигает ее. А когда не находилось повода поябедничать, он его придумывал. Ложь маленького засранца была весьма изобретательна и казалась достоверной. Конечно же, ему верили. Кирино слово против Толиного никакой силы не имело. Не станет же ребенок врать! Даже если Раиса понимала, что Толик все выдумал, она все равно вставала на его сторону.

Младший брат рос болезненным ребенком, хотя за его здоровьем неукоснительно следили, боялись переохладить, постоянно кутали. А может быть, именно поэтому он легко подхватывал любую простуду. Когда Толику шел пятый год, в их доме все чаще стали возникать разговоры о море. Мальчику необходимо подышать морским воздухом, погреться под южным солнышком. Моря Кира никогда не видела, разве что по телевизору, и эта тема была ей невероятно приятна. Отец поговаривал о предстоящем отпуске, который планировал провести всей семьей на море, прикидывал дополнительные расходы. Кира жила мечтой. Она грезила морем, представляла себя на песчаном пляже, видела барашки набегающих волн, слышала шум прибоя. И вот сбылось! Однажды отец, вернувшись с работы, объявил, что купил семейную путевку в Сочинский пансионат. Сердце девочки замерло: наконец-то сбывается хоть одна ее мечта!

– Поедем втроем, – заявил отец, – кто-то же должен остаться на хозяйстве.

И он выразительно посмотрел на Киру. Она все поняла без лишних слов. Конечно, иначе и быть не могло. Вот дурища-то, размечталась! Семейный отдых! А она разве входит в эту семью? Она так, бесплатное приложение, неприятное недоразумение, чуждый элемент. Кира вышла в огород, села на пенек за баней и расплакалась. Она часто приходила сюда, когда бывала сильно расстроена чем-то. А может, это даже хорошо, что она останется в доме одна на целых три недели? Есть возможность отыскать бабулину сберкнижку, которую отнял отец.

Да, она отыщет ее во что бы то ни стало. Пусть они едут, пусть наслаждаются отдыхом с любимым сыночком. Ничего, она переживет. Всего-то два года осталось потерпеть до окончания школы, и тогда Кира уедет к тете Гале, поступит там в институт и никогда больше сюда не вернется.

Заветная книжица нашлась быстро, она лежала в большой папке с другими документами. Отец ее и не прятал, был абсолютно уверен, что дочь не посмеет пойти против его воли. Сначала девушка хотела взять сберкнижку и куда-нибудь спрятать до лучших времен, но, немного поразмыслив, поняла, что это не выход, ведь когда пропажа обнаружится, Кире крепко достанется, и украденное все равно придется вернуть. Надо потерпеть всего пару лет до окончания школы, и тогда она покинет этот дом, прихватив с собой бабулино наследство. Бабушка же твердо сказала, что это только ее, Кирины деньги. И они ей пригодятся, когда Кира станет студенткой. Главное сейчас – не отступать от своей мечты, и все у нее получится.

Но Раиса уже все за Киру решила. Вернувшись с юга и с удовольствием отчитав падчерицу за нерадивость в отсутствие родителей (она всегда находила к чему придраться), мачеха заявила, что пора Кире подумать о будущем и получить подходящую профессию. На возражение девушки, что сейчас еще рано планы строить, а через два года она поступит в институт, Раиса заявила, что довольно сидеть на шее у родителей, надо идти в ПТУ. Девятый класс окончен, можно забрать документы и пойти учиться, например, на повара. Отличная профессия, и сама сыта будет, и в семью лишний кусок принесет. Отец жену поддержал. В училище и кормят бесплатно, и обмундирование выдают. И нечего спорить! В институт поступит ли, еще вилами на воде писано, а тут наверняка. Да и содержать студентку им будет непросто, целых пять лет деньги на ветер выбрасывать, она ведь не единственный ребенок в семье. Так что одна ей дорога – в ПТУ. И Николай лично пошел с дочерью забирать документы из школы. Кире некуда было деваться, пришлось подчиниться. Единственное, что она сумела себе позволить, – это выбрать другую профессию. В итоге поступила не на повара, а на швею. Не пропали даром бабулины уроки, заронила она искру любви к этому ремеслу в душу внучки. Такое самоуправ-

ство Раисе, конечно, не понравилось, но дело сделано, пришлось смириться. Главного-то она все равно добилась – забрала Киру из школы. А нечего зря прохлаждаться.

Конечно, дочь была обижена на отца, она не планировала быть обычной швеей, хотелось самой придумывать новые наряды, стать дизайнером одежды. В душе ее постепенно вызревал протест против произвола взрослых, которые постоянно подавляли ее. Однажды, после очередной выволочки от Раисы, Кира хлопнула дверью и ушла в темноту вечера. Она бродила по городу, сама напуганная собственным поступком и представляла, как набросится на нее мачеха, когда она вернется домой. Та и в самом деле кинулась к ней с бранью и даже замахнулась, но Кира ловко перехватила ее руку, крепко сжала запястье и зло бросила:

– Сдачи получить не боишься?

Раиса опешила, такого она не ожидала. Кира и сама от себя не ожидала, но эффект, произведенный этим поступком, ей понравился. Она не станет больше пасовать перед этой женщиной. Она сама себе хозяйка.

– Иди посуду мой! – скомандовала пришедшая в себя Раиса.

– Щас! – огрызнулась Кира и пошла спать.

– Вот вернется отец с ночной – я ему все расскажу! Он тебе всыплет по первое число, шалава малолетняя! – бессильно грозилась мачеха.

На следующий день отец ждал вернувшуюся из училища Киру с ремнем в руке.

– Только тронь! – с вызовом сказала дочь, и он опешил от грозных ноток, впервые прозвучавших в ее голосе. – И сразу сядешь за насилие. Я все знаю о правах ребенка.

Николай растерялся, такого он не ожидал.

– Я твой отец и имею право поучить непослушную дочь! – рявкнул он, придя в себя.

– Не имеешь! Рискуешь статью получить! – спокойно сказала Кира.

– Я тебя еще и пальцем не тронул!

– Но ты же угрожаешь мне ремнем, а за угрозу насилием тоже есть статья!

– Сильно умная, да? – проворчал отец. – Взрослая стала?

Он в сердцах швырнул ремень на пол и ушел на крыльцо курить.

С той поры в Киру словно бес вселился. Она почувствовала уверенность в себе и своих действиях. Она больше не станет беспрекословно слушаться родителей. На любое их замечание теперь всегда находился резкий ответ, и не каждое указание стало выполняться. Отныне она сама вольна распоряжаться своей жизнью. Эх, раньше надо было устроить этот бунт, может, и в училище ее не загнали бы, она могла отстоять свое право остаться в школе. Но осваивать швейное ремесло оказалось интересно и, поразмыслив немного, Кира решила, что поступить на дизайнера она сможет и после училища.

Приняв за аксиому, что родители теперь ей не указ, она каждый вечер уходила из дома, не обращая внимания на их ругань и угрозы. Запретов для нее больше не существовало. С компанией, сколотившейся в училище, Кира часто зависала в общежитии, где проживали иногородние девчонки из ее группы, или пропадала с друзьями в соседнем парке, где у них была облюбована широкая скамья в зарослях рябинника. Отвоеванная свобода кружила голову. Именно тогда Кира и познакомилась с Кириллом. Но об этом она вспоминать не будет.

Глава 6

Кира встала, вышла на кухню, налила себе воды. Прошлое, о котором она так долго старалась забыть, навязчиво возвращалось. Она стояла у окна со стаканом в руке, вглядывалась в темноту двора и снова ощущала себя несчастным подростком, придавленным безысходностью и бесконечной тоской.

Ополоснув стакан, женщина поставила его на место, посмотрела на часы и легла.

– Ты чего бродишь? – полусонно пробормотал Сергей.

– Не спится, – вздохнула Кира.

– Спи, ничего с ней не случится, – сказал он и повернулся на другой бок.

Утром Сергей предложил подвезти Киру до работы, хотя ему было совсем в другую сторону. Она оценила этот жест и с удовольствием устроилась на пассажирском месте. Хоть один плюс от нерасторопности автосервиса, куда она вчера загнала свою машину. Сейчас ей не надо следить за дорожными знаками, светофорами и неадекватными пешеходами, не надо мгновенно соображать, как бы ловко перестроиться в нужный момент, просто сиди и любуйся городом. Кира опустила стекло, вдохнула утреннюю свежесть, приправленную дурманом отцветающих яблонь и сиреней, и блаженно улыбнулась. Улицы, умытые вчерашним дождем, распахивали ей свои объятия. Кира любила кварталы сталинской застройки с невысокими строениями и раскидистыми старыми деревьями, достающими до крыш. Тут не было безликих высоток, не было кричащих рекламными плакатами огромных торговых центров. Двухэтажные дома с эркерами и арками, с пузатыми балясинами старинных балконов и полукружиями чердачных окон проплывали мимо, и Кира подумала о том, как же права она была, отказавшись переезжать в новый район. Теткина квартира с проходной комнатой, деревянными перекрытиями и старой штукатуркой была для нее ценнее всяких элитных новостроек. Особенно теперь, после основательного ремонта и разумного зонирования пространства, превратившего не очень удобную прежде двушку во вполне комфортное, почти трехкомнатное жилье. Комната, в которой прежде обитала тетушка, априори стала Варькиной, а в просторной гостиной Сергей выделил спальную зону, поставив поперек комнаты небольшой удобный стеллаж, в итоге получился вполне уютный уголок с широкой кроватью. Дверь оттуда вела в бывшую кладовку, ставшую теперь гардеробной. Даже дочь, в силу возраста склонная к скепсису и критиканству, по достоинству оценила результаты реконструкции.

Вспомнив о Варьке, Кира с трудом подавила желание позвонить ей. Рано еще, спит, скорее всего. Вчера неугомонные подружки наверняка поздно легли, да еще полночи болтали о своем, о девичьем, так что раньше полудня и звонить не стоит. Словно прочитав ее мысли, Сергей сказал:

– Если будешь звонить Варваре, напомни, что я завтра после работы за ними приеду, пусть будут готовы, чтобы не ждать их там.

И он остановился возле Дома моды, где Кира много лет назад начинала свою трудовую биографию. Когда-то это было обычное государственное ателье, где Кирина тетушка трудилась закройщицей и куда привела юную племянницу, дабы обучить ее премудростям своего ремесла. А когда ателье оказалось на грани закрытия, тетя Галя взяла в аренду это помещение, оформила ИП и со временем превратила убыточное предприятие в довольно респектабельное. Из нее получился отличный предприниматель. Конечно, Кира вскоре стала правой рукой тетушки, и они вместе решали многие задачи. В последние годы Галина тяжело болела, и на плечи племянницы легли все дела по управлению Домом моды, да и по уходу за больной родственницей тоже. А когда тетки не стало, Кира получила в наследство и ее квартиру, и налаженный бизнес. Других наследников у женщины не было. И теперь Кира являлась владелицей небольшого, но весьма успешного предприятия, где с годами подобралась неплохая команда

опытных мастериц. Они не только шили на заказ, но и создавали сезонные коллекции, устраивали показы, которые пользовались успехом у местных модниц. Сама Кира уже редко принимала участие в создании стильных нарядов, разве что так, для души. Но каждую коллекцию курировала лично, при том, что ей с лихвой хватало и управленческой волокиты.

Самое интересное, что, имея хороший вкус и работая в индустрии моды, она никогда не носила ни платьев, ни юбок, ни туфель на высоких шпильках. Джинсы, рубашки и джемпера – вот основные предметы ее гардероба. И обязательно удобная мягкая обувь. Но и в самой обычной одежде она всегда выглядела безупречно. Была в этой женщине какая-то особая притягательность. Как говорил Сергей, даже в рубище его жена была бы королевой. Лишь в исключительных случаях при необходимости присутствовать на важных светских мероприятиях, Кира могла, согласно требованию этикета, одеться более изысканно, но это были, как правило, элегантные брючные костюмы.

Погрузившись в текущие дела, она не заметила, как пролетело время до обеда. Неожиданно пришло сообщение от Варьки: «Привет! У меня все норм!». Мать отправила в ответ забавный смайлик. Вот и поговорили. Кира печально улыбнулась, она понимала, что дочь таким образом пытается предотвратить ее звонок. Информация получена, чего эфир занимать? Нормальное поведение подростка. Хорошо, что вообще написала. Ладно, позвонить можно и вечером.

Неожиданно в дверь постучали. Кира подняла голову от бумаг и обмерла – на пороге стоял Кирилл. Тот самый человек, что окликнул ее вчера. Живой и невредимый. Повзрослевший, возмужавший, но вполне узнаваемый и по-прежнему красивый, несмотря на едва заметные штрихи седины на висках.

– Привет, Кир, – сказал он со смущенной улыбкой.

– Привет, Кир, – эхом откликнулась она и жестом пригласила войти.

Именно так они приветствовали друг друга много лет назад. В горле встал ком, голова пошла кругом, в ушах застучало. От волнения Кира не знала, что сказать, как себя вести. Встать и обняться с близким когда-то человеком? Но едва ли ноги ее удержат. Дрожащей рукой указала на стул. Да что же она с ним, как с обычным посетителем?

– Как ты меня нашел? – спросила первое, что пришло на ум, при этом ощутила, как дрожит ее голос, и смутилась.

– Так ты ж у нас теперь личность известная, – с улыбкой ответил гость, – про тебя в газетах пишут.

Вот в чем дело. Недавно в местной газете была большая статья о новой летней коллекции, представленной на очередном показе, и об успешной бизнесвумен Нестеровой Кире Николаевне, хозяйке элитного Дома моды.

– Узнал тебя на фото, – пояснил Кирилл, – и глазам своим не поверил. Ты такая стала…

– Какая? – не удержалась от вопроса Кира.

– Стильная, элегантная, самодостаточная. Хотя, о чем я? Ты всегда была уверена в себе и в том, что делаешь. Этим и притягивала. Конечно, сейчас совсем другой имидж. Тебе идет короткая стрижка. Правда, немного непривычно.

– Спасибо, – сказала Кира и по инерции поправила челку, словно убирала прядь со лба.

– Я вчера случайно увидел тебя в трамвае. Решил вот отыскать. У меня отпуск кончается, через день улетаю. Не хотелось уехать, не повидавшись. Двадцать лет не виделись.

– Почти двадцать один, – поправила Кира. – Я, честно говоря, и не предполагала, что ты тогда выжил, была уверена, что эти отморозки убили тебя. Почему ты не нашел меня раньше?

– Ты так внезапно исчезла. Никто не мог сказать, где ты. Я долго пролежал в больнице, все ждал, что ты придешь, потом искал тебя. В училище никто ничего не знал, девчонки только плечами пожимали, твои родители со мной даже разговаривать не стали. Я подумал, что ты от

меня прячешься, простить не можешь. Стыдно было. И досадно. Я ж не сумел тебя защитить. А должен был.

Кира молчала, не зная, что на это сказать. Кирилл тоже испытывал неловкость – она это чувствовала, а потому и сама никак не могла найти нужный тон, сделать разговор непринужденным.

– В какой больнице ты лежал? – спросила она.

– В ближайшей, в нашем районе, уже не помню, как называлась та улица.

– Выходит, мы с тобой оба туда попали, только в разные отделения, – усмехнулась Кира. – Вот уж судьба!

– Если бы я знал! – с досадой проговорил Кирилл.

– Я сбежала из больницы через день. И из дома тоже. Мои бы тебе ничем не помогли, они и сами не знали, где я.

Разговор не клеился, оба испытывали смущение и даже досаду.

– А я тогда завербовался на север, с тех пор живу в Мурманске, – сказал Кирилл.

– Семья есть?

– Есть. Жена и два сына. В общем-то, все хорошо. Судя по фамилии, ты тоже замужем?

– Да, замужем. Дочь-подросток. Тоже все хорошо.

Они помолчали. Говорить больше было не о чем.

– Может, кофе? – спросила Кира в попытке сгладить неловкость.

– Нет, спасибо, не хочу отвлекать тебя от работы, – неуверенно ответил Кирилл. – Но если бы ты согласилась со мной поужинать…

– Извини, не могу, – перебила его Кира, не дав договорить, – с дочерью проблемы и вообще…

– Понимаю, – вставая, сказал Кирилл, – тогда пойду, наверное. Извини, если что не так. Прощай.

– Прощай!

Вот так – не «до свидания», не «пока», а именно «прощай». Ну что ж, значит, так и должно быть. А ведь какая была любовь…

Глава 7

Они познакомились в общежитии. Просто тусовались в одной компании. Кирилл учился на каменщика, Кира только поступила на первый курс. Именно тогда она впервые показала родителям свой характер и стала часто исчезать из дома. Иногда оставалась ночевать у девчонок в общежитии, за что получала по первое число.

– Явилась, шалава! – уперев руки в бока, встречала ее Раиса. – Вот принесешь в подоле, я твоего выродка нянчить не буду, так и знай!

– Я ж твоего нянчила, – криво усмехалась Кира, – так что никуда не денешься, будешь отрабатывать, бабуля!

Раиса бесилась от подобной наглости, но приструнить падчерицу было уже невозможно. Ситуация вышла из-под контроля, и Киру это очень забавляло. Она нарочно выводила родителей из себя и наслаждалась их беспомощностью.

– Отстаньте наконец от меня! Я же для вас никто, досадная помеха, бесплатная домработница, – говорила она, припоминая прежние обиды. – Есть у вас любимый сынок, вот его и поучайте, хватит уже целовать в задницу этого засранца!

– Как тебе не стыдно?! – выговаривал ей отец. – Мы тебя кормим, одеваем, а ты так себя ведешь.

– Ой ли?! – восклицала Кира. – А не ты ли спихнул меня на гособеспечение? Я ж тебя так объедала! Меня теперь государство кормит, так что претензии не принимаются!

– Мать твоя в гробу бы перевернулась, если б видела, что из тебя выросло, –говорил порой отец. – Ты внешне так на мать похожа, но ведешь себя… эх! Хотя бы ради ее памяти остепенилась.

– А сам-то ты как хранишь память о ней? – злилась Кира. – Даже портрет убрал подальше, чтобы перечеркнуть прошлое. Будто и не было человека. Только вот меня перечеркнуть у вас все равно не получилось, оттого вы и беситесь!

И она, хлопнув дверью, уходила из дома, подальше от всех этих претензий и разборок. Иногда шла на могилку бабушки, подолгу сидела там и плакала. Однажды она встретила на кладбище Кирилла. Оба удивились. Они ведь друг о друге почти ничего не знали, хоть и общались в одной компании. Оказалось, что он тоже был сиротой и навещал тут могилку своей бабушки, которая его вырастила. Такое сходство судеб сразу объединило их. С той поры появился и интерес друг к другу. А когда уже все друзья поняли, что они пара, их стали называть «Кир в квадрате». И им это даже нравилось.

– Привет, Кир! – привычно говорил один из них при встрече.

– Привет, Кир! – отвечал другой.

Незаметно они сблизились настолько, что стали практически одним целым и уже не могли подолгу существовать друг без друга. Это новое состояние грело Киру изнутри. Она не одна в этой жизни, рядом человек, который понимает ее с полуслова, поддерживает и одобряет. С ним она могла быть сама собой. Не надо дерзить, что-то доказывать, лукавить.

Кира изменилась и внешне. Она давно забыла про косички, собирала волосы в конский хвост на макушке или свободно распускала их по плечам, выстригла длинную челку, которая падала на лицо, и ее постоянно приходилось поправлять, чтобы не мешала. Ярко подведенные васильковые глаза, маникюр вызывающего цвета, темная помада на губах. Бабуля бы точно не узнала свою любимую внученьку. Зато ее вид так бесил мачеху, что та не сдерживала себя в сочных эпитетах, а Кира лишь нагло улыбалась в ответ, словно получала от этого невероятное удовольствие.

Любимой ее одеждой стали брюки и футболки. На первые свои джинсы она заработала сама, беря заказы у соседей и знакомых. Кому-то сшить новые наволочки или пододеяльник

из завалявшегося отреза, кому-то – затейливые занавески или набор красивых прихваток для кухни. Как же пригодилась ей теперь бабушкина машинка, которую Раиса когда-то выставила в чулан. Кира занесла ее обратно, совершенно игнорируя протесты мачехи, смазала, настроила и занялась делом. Взявшись за шитье, она забывала обо всем на свете, время останавливалось, и мир переставал существовать. Заказчицы Киру благодарили, расхваливали ее работу, лишь Раиса ни разу доброго слова не сказала, только фыркала в ответ на восторженные возгласы соседок. Она требовала, чтобы Кира отдавала заработанные деньги в семейный бюджет, но та игнорировала подобные заявления. И у нее на это были веские причины. Раиса обычно не баловала падчерицу обновками. Одевала ее в старые поношенные вещи, отданные кем-то или купленные на рынке по дешевке. Это, конечно же, вызывало насмешки сверстниц еще с тех пор, когда девочка училась в школе. А Кире хотелось одеваться, как все ее одноклассницы. И еще она крепко запомнила бабулино слово «эксклюзив», услышанное в детстве, и мечтала о новом платье, какое было бы только у нее. И вот теперь она уже кое-что умеет и зарабатывает деньги на красивую ткань.

Свое первое платье Кира сшила к выпускному вечеру в училище. Легкое, струящееся, оно приятно облегало тело, мягкими фалдами устремляясь вниз, к коленям. В нем она ощущала себя моделью на подиуме. Да чего там моделью, берите выше! Звездой глянца. Увидев ее в новом наряде, Кир восхищенно присвистнул. Это была не та пацанка Кира, которую он привык видеть, а сама нежность и восторг. Собранные в замысловатый пучок волосы, легкий макияж вместо привычной боевой раскраски, босоножки на небольшом каблучке. В тот день она сама себе нравилась.

На праздник они отправились вместе. Кира с гордостью держала в руках свой первый диплом, он знаменовал начало новой жизни. Кирилл к тому времени уже год работал каменщиком в небольшой строительной компании. Кира планировала брать частные заказы, пока не найдет постоянную работу. Впереди у них долгая жизнь, которую они мечтали провести вместе. Друг жил в квартире, доставшейся ему от бабушки, и давно уже предлагал Кире перебраться к нему.

– Давай наконец поженимся, – неоднократно говорил он, и она всегда отвечала одно и то же:

– Нас не распишут, мне всего семнадцать.

– Да какая разница! Просто переезжай ко мне.

– Тогда тебя посадят за растление малолетки, – шутила Кира, хотя до ее совершеннолетия оставался всего месяц.

На самом деле девушка хоть сейчас готова была перебраться к нему, потому что уже не мыслила жизни без Кирилла. Она любила его той восторженной любовью, какая бывает лишь в юные годы, когда все впервые, все взахлеб и до самого донышка. Он был первым ее мужчиной, единственным и самым лучшим на свете.

Тот вечер из самого счастливого неожиданно превратился в самый страшный в ее жизни. После праздника они большой компанией отправились в парк на свое излюбленное место. Веселились, горланили песни, громко спорили, перекрикивая друг друга. Кира с Кириллом в какой-то момент откололись от друзей и углубились в дальнюю часть парка. Они медленно брели по дорожке среди высоких деревьев, сквозь листву которых пробивалась бледная луна. Редкие фонари освещали аллею, добавляя их прогулке романтического флера. И в самом этом вечере, и в воздухе, пропитанном ароматами трав и цветов, ощущалось такое упоительное блаженство, что Кира почувствовала себя безмерно счастливой. Сегодня она получила документ, позволяющий ей начать новую взрослую жизнь. Скоро они с Кириллом поженятся, и она переедет к нему. Договорились, что после выпускного они подадут заявление, а пока дожидаются назначенного срока, ей уже исполнится восемнадцать.

Вдруг перед влюбленной парочкой возникла троица подвыпивших парней. Дальше все происходило, как в кошмарном сне: один схватил Киру и крепко держал ее, двое других набросились на Кирилла, и вскоре он был вырублен, хоть и отбивался до последнего. Девушку за волосы оттащили с дорожки в кусты. Что было дальше, она не помнит. Лишь терпкий запах примятой полыни навсегда остался с ней зловещим напоминанием. В какой-то момент сквозь вязкую пелену до Киры долетел истеричный вопль:

– Звездец, пацаны! Линяем! Этот урод, походу, ласты склеил!

Потом встревоженные крики, вой сирен, мигалки, носилки, операционная. А в голове лишь одна мысль: Кир убит, его больше нет. Жизни больше нет. Потом наркоз, опять провал и вязкая тьма.

Наутро пожилая докторица дежурным тоном сообщила Кире, что та потеряла ребенка, возраст плода был примерно четыре недели. И, увы, детей у нее больше не будет. Санитарка принесла пакет с ее рваным окровавленным платьем, которое еще вчера было предметом гордости начинающей портнихи. Но все это не имело никакого значения в сравнении со страшной утратой. Ведь Кирилла больше нет. И как ей дальше жить?

– Мы зафиксировали ваши побои и вынуждены были сообщить о случившемся в полицию, – добавила врач, – такой порядок. В ближайшие дни вас навестит следователь, и вы обо всем ему расскажете. А пока приходите в себя.

Через день, дождавшись тихого часа, Кира взяла пакет с платьем и сбежала из отделения прямо в больничном халате и тапках. Пакет по дороге бросила в мусорный контейнер и невольно подумала, что во всем виновато именно это платье. Будь она в джинсах, не так-то просто было бы их стянуть.

– Допрыгалась, шалава! – привычной руганью встретила ее Раиса, даже не удивившись больничному наряду, но Кира не обратила внимания на ее слова и молча прошла в свою комнату.

А чего можно было ждать от этой женщины? Понимания? Сочувствия?

Девушка быстро переоделась, взяла большую сумку, решительно скидала в нее свои вещи и, улучив момент, когда мачеха вышла во двор, забрала бабулину сберкнижку.

– И далеко ли наша краля собралась? – язвительно спросила Раиса, увидев выходящую с сумкой Киру, но та не удостоила ее ответом.

По дороге к вокзалу она зашла в парикмахерскую и попросила сделать ей короткую стрижку.

– Неужели не жаль такую красоту уничтожать? – удивленно спросила мастер. – Может, передумаете?

– Нет! – твердо ответила Кира, усаживаясь в кресло.

Она знала, что делает. Никто теперь ее за волосы таскать не станет. Никогда. И платьев она больше не наденет. Никогда. И счастлива она уже не будет. Никогда.

Она шла к вокзалу, и каждый ее шаг гулко отдавался в голове. Никогда. Никогда. Никогда. Жизнь ее закончилась. А какая жизнь без Кирилла? Это уже не жизнь. Ближайший поезд до областного центра уходил под утро. Тоже неплохо, хоть и пришлось ночь провести на вокзале. Но это не страшно. Все страшное с ней уже случилось. Адрес тетки Кира хорошо помнила: улица Заводская, дом двадцать один, квартира двадцать один. Там ждет ее другая жизнь. А прошлое пусть останется тут и будет погребено навеки. О нем Кире будет напоминать лишь горький запах полыни, превратившийся с той поры в ее навязчивый кошмар.

Глава 8

Стук в дверь прервал Кирины воспоминания.

– Кира Николаевна! Тут вот… доставка, – распахнув дверь, сказала секретарша Леночка.

Следом за ней в кабинете появился парень с дизайнерским букетом. Кира почему-то не удивилась, вынула из букета открытку и развернула ее.

«Я никогда тебя не забывал», – было написано знакомым размашистым почерком. Она его тоже не забывала, хоть и пыталась. Только что это меняет? Время вспять не повернешь и судьбу не перекроишь.

Букет в вазе отвлекал Киру от работы, то и дело возвращая мыслями в прошлое, и она переставила его со стола на подоконник. Но рабочего настроя все равно уже не было. Мысли постоянно возвращались к разговору с Кириллом. Может, зря она отказалась поужинать с ним? Зачем-то сослалась на проблемы с дочерью. Разве обычный подростковый бунт – это проблемы? Эх, не накликать бы чего посерьезнее. Пожалуй, стоит позвонить Варьке. Но дочь не отвечала. Это насторожило, и Кира тут же попыталась объяснить себе ее молчание. Может, забыла телефон в доме или поставила на зарядку, а сама ушла с девчонками на прогулку. Может, она просто отключила его или там связь плохая. Но как ни пыталась Кира себя успокоить, внутренняя тревога все нарастала.

К концу рабочего дня неожиданно позвонил Сергей:

– Ты на месте?

– Да.

– Сейчас заеду, жди на улице, – коротко буркнул он и отключился.

Такое поведение мужа ее насторожило. Да еще и Варька не отвечает. Неужели это связано с ней? – недоумевала Кира, выходя к парковке.

Оказалось, что так и есть. Сергею позвонила Сонина бабушка Тамара Васильевна и, волнуясь, сообщила, что Варя пропала. После завтрака девчонки немного позагорали на газоне, потом все четверо отправились в лесок погулять, а вернулись только трое: Соня, Лена и Даша. Варя исчезла. Девочки покричали ее, но она не откликалась, и подруги решили, что та просто вернулась без них, поэтому пошли домой. Не обнаружив ее на участке, подумали, что она придет попозже. Обедать сели без Вари в надежде, что та вот-вот появится, но этого не произошло. После обеда все вместе снова пошли в лес искать подругу. Кричали, аукали, но все тщетно. И тогда Тамара Васильевна вынуждена была позвонить отцу девочки, на всякий случай оставившему ей свою визитку.

Всю дорогу до дачного поселка Кира молила бога, чтобы Варька к их приезду вернулась. Но мольбы ее не были услышаны. Встревоженные лица девчонок лучше всяких слов говорили о беде. Подруги снова пересказали то, что было уже известно. Ничего нового не прибавилось.

– Она вчера не говорила, что куда-то собирается уйти или уехать? – спросил Сергей.

Девчонки отрицательно помотали головами. Куда она поедет, если они специально приехали сюда потусить на природе?

– Кто к вам вчера приходил? С кем вы общались? – продолжал сыпать вопросами встревоженный отец.

Выяснилось, что вчера к ним на огонек заглянули два парня из соседнего дома.

– Стас – внук наших соседей, хороший мальчик, – пояснила Тамара Васильевна, – он в колледже учится. Они с Сонечкой дружат с детства.

– А второй? – уточнил Сергей.

Старушка пожала плечами.

– Второй – его друг Семен, – вступила в разговор Соня. – Я его видела впервые, но, вроде, парень нормальный.

– Все они нормальные до поры до времени, – проворчал Сергей и направился к соседнему дому.

Женская компания в полном составе потянулась за ним.

Стас и в самом деле оказался весьма приятным юношей. Ничего нового по поводу Вари он сказать не мог, так как сегодня ее не видел. Сергей попросил позвать его друга, но оказалось, что тот рано утром уехал в город, у него в колледже какой-то зачет.

– А не могла Варя уехать с ним? – поинтересовался Сергей.

– Нет, он рано ушел на электричку, девчонки наверняка еще спали, – ответил Стас. – К тому же я видел в окно со второго этажа, как они в лес пошли, ну, издалека, конечно, только их спины, Семена в то время уже не было, а Варя была.

– А что ты еще видел? Может, что-то подозрительное? – не унимался Сергей.

Парень на миг задумался, в глазах промелькнуло сомнение, словно он решался, стоит ли говорить об этом.

– Выкладывай все, – строго сказал Сергей, – мы сами решим, важно это или нет.

– Я вчера вечером заметил черный внедорожник, припаркованный вон там, на обочине. Мы с Семеном как раз к Соньке пошли. Мне это показалось странным, тут обычно все загоняют свои машины на участки. А это явно чужаки были. Когда возвращались в темноте, автомобиля уже не было.

– Может, ты просто не заметил? – уточнила Кира.

– Нет, тут хорошее освещение, все как на ладони.

Тамара Васильевна согласно закивала.

– А потом я забыл про этот внедорожник, – продолжил Стас, – пока утром не увидел, как он промчался по дороге к выезду из поселка. Девчонки в это время как раз в лесу были.

– Твою ж мамзель! – выругался Сергей. – А кто был за рулем?

– Я не знаю, видел его только сзади, а задние стекла тонированные.

– И номер ты, конечно, не запомнил?

– Я на него даже не смотрел.

– Кто-нибудь еще видел эту машину? – обратился ко всей компании Сергей.

Девчонки лишь пожимали плечами. Даже если и видели, могли просто не обратить внимания, это ж парни крутыми тачками интересуются, а им-то все равно.

– А когда этот внедорожник появился? – уточнил Сергей у Стаса. – До того, как я девчонок привез или после?

– Я думаю, после. Днем его тут точно не было.

Они вернулись на участок Тамары Васильевны, которая тут же вынесла Варин рюкзачок и, протянув его, с горечью сказала:

– Простите меня, недоглядела за вашей девочкой.

– Не корите себя, вы тут ни при чем, – попыталась утешить ее Кира, хотя сама, как никто другой, нуждалась сейчас в утешении.

– Может, вызвать спасателей и прочесать лес? – осторожно спросила Соня.

– Придется, – ответил Сергей, – только сначала надо проверить, не вернулась ли она домой, а потом в полицию с заявлением.

– Так его все равно не примут, – отозвалась Кира, – только через трое суток.

– Поехали! – скомандовал Сергей и направился к своей машине.

Кира пошла за ним.

Они ехали молча. Весь путь до самого дома Кира представляла страшные картины того, что могло произойти с ее девочкой. Заблудилась? Сбежала? Похитили? Изнасиловали? Убили? Если последнее, то ей этого не пережить. Если похитили, то почему нет звонка от похитителей? Они же должны потребовать выкуп.

И тут звякнул телефон. Пришло сообщение от Варьки: «Не кипишуйте, у меня все норм. Позвоню, как смогу».

– Твою ж мамзель! – выругался Сергей, когда Кира прочла это вслух. – Выпорю, как только явится домой!

А мать облегченно выдохнула. Живая, и слава богу. Но Сергей вдруг сказал:

– А если это не она? Если похитители? Написать-то с ее телефона может кто угодно.

– Вообще-то, написано в ее стиле, она обычно именно так изъясняется, – утешая скорее себя, чем мужа, проговорила Кира.

Тут же зазвонил телефон Сергея, это была Тамара Васильевна. Он включил громкую связь, чтобы слышала и Кира. Сонина бабушка, волнуясь, сообщила, что Варя только что звонила ее внучке.

– Передайте ей трубку! – скомандовал Сергей. – Я хочу знать, что она сказала.

В трубке послышался дрожащий голосок Сони:

– Она сказала, что ее, типа, похитили. Но можно не волноваться, это не совсем похищение.

– Что значит, похищение, которое не совсем похищение? – рявкнул Сергей.

Таким взвинченным Кира его никогда не видела.

– Я не знаю, – испуганно ответила девочка, – объяснять она ничего не стала, сказала, что все потом.

– Спасибо, Сонечка, – вступила в разговор Кира, – ты нас немного успокоила. Будем ждать.

– Вернется – точно выпорю! – сказал Сергей.

– Сообщение она написала сразу после разговора с Соней, – размышляла вслух Кира, – потому что узнала, что мы уже ищем ее. Выходит, решила успокоить. Может, и в самом деле не произошло ничего страшного?

Сергей не ответил, лишь тяжело вздохнул.

Глава 9

Наутро Кире позвонил Толик. Понятно, деньги нужны. Родственники вспоминали о ней лишь тогда, когда в чем-то срочно нуждались.

– Привет, сеструха! Выручай! Я в полной жопе, кредиторы одолевают, – сразу взял он быка за рога, пока Кира не успела отказать.

– А я тут при чем? – сухо ответила она. – Я, помнится, совсем недавно ссудила тебе приличную сумму, а сейчас у меня свободных денег нет.

– Ну Кир, ну чего ты? Выручи, пожалуйста, – начал канючить он, как в детстве, – войди в положение, у меня же алименты, и кредит в банке, и долги.

– Слушай, – взорвалась Кира, – твои карточные долги меня совсем не волнуют! Тебе скоро тридцатчик, а мозгов меньше, чем у курицы. Сказала же – нет у меня денег. Как бы самой занимать не пришлось. У меня дочь…

Стоп! Она чуть не проговорилась про похищение Варьки. И кому? Этому товарищу вообще нельзя доверять. Сотни раз проверено. Но деньги ей и в самом деле нужны – вдруг похитители все-таки предъявят требование о выкупе.

– Да ладно, так я тебе и поверил! – не унимался братец. – Сидишь на денежном мешке и жмотишься. А о родных не думаешь.

– Это кто мне родной? Уж не тот ли засранец, который думает только о себе и считает, что весь мир ему должен? Не тот ли, кто еще в детстве объявил мне войну, а теперь пытается давить на жалость? Слушай, маменькин сынок, повзрослеть не пора?!

– Да ладно, сестра! Ты же не чужой мне человек! – снова заканючил он.

– Я все сказала!

– Жадная ты!

– Да, я жадная! Потому что я сама эти деньги зарабатываю, сама и тратить буду!

– Так уж и сама! А бабушкино наследство? Оно ведь общее было! А ты украла наши денежки, а еще ты теткино наследство получила, – завел Толик привычную уже шарманку.

Кира кипела от негодования. Сколько же ей еще выслушивать про это наследство?

– Для тупых повторяю в последний раз, – едва сдерживаясь, четко проговорила Кира, – бабушка оставила свои деньги мне, и это была ее воля. Ты тут ни при чем, тебя она вообще никогда не видела. Но даже несмотря на это, я уже сторицей вернула вам все. Сколько вы еще будете меня доить? А про теткино наследство можешь даже не заикаться, ты к нему и вовсе никакого отношения не имеешь!

– А если я расскажу журналистам, какой шалавой ты была раньше? Как из дома удирала и шлялась неизвестно где. И как по дурости вляпалась в некрасивую историю, – елейным голоском вдруг заговорил Толик. – Я все про тебя знаю, мне мать рассказывала про твою бурную молодость, как ты гуляла по ночам и спала не пойми с кем. Если не хочешь, чтобы это стало, так сказать, достоянием общественности, просто заплати. За молчание, сама знаешь, иногда приходится платить. Так что выбирай, сестренка: или – или.

Кира бросила трубку, продолжать этот разговор не имело смысла. Толик с детства был негодяем, но про давнюю историю намекнул впервые. Что это? Блеф? Или Раиса и в самом деле что-то наплела ему? Но она не могла знать. Кира никому ничего не рассказывала, со следователем не встречалась, дело не было заведено. Может, Кир кому-то говорил? Но он был без сознания и ничего не видел. Понятно, что догадывался обо всем произошедшем с ней, но он не из тех, кто станет болтать. К тому же Кирилл явно чувствовал вину за собой. Нет, он не мог. Тогда откуда ветер дует? Что-то тут не так.

С этой семейкой всегда было что-то не так. И Кира правильно сделала, сбежав к тетке. Правда, отец сообразил, где она могла быть, и примерно через месяц, хватившись пропавшей

сберкнижки, позвонил Галине. В ту пору в квартире тети Гали еще стоял стационарный телефон, и Кира стала свидетелем судьбоносного разговора. Тетушка быстро и умело прервала претензии Николая, и сама пошла в наступление. Сберкнижка выписана на имя Киры, а значит, деньги принадлежат только ей. Никто не имеет права претендовать на них. Девушка хочет учиться дальше, и это ее право. В Купельск она не вернется, будет жить у тетки и точка. Довольно они ею помыкали. От хорошей жизни из дома не сбегают. И отец вынужден был отступиться.

На протяжении нескольких лет от Кириной семьи не было ни слуху ни духу. Тетка трудоустроила Киру в свое ателье и посоветовала не тратить по мелочам бабушкины деньги, которые могут ей пригодиться на что-то более полезное. Девушка заочно окончила институт, став, как и хотела, дизайнером одежды. Когда тетка открывала свой бизнес, племянница вложила в него бабулино наследство и вскоре стала регулярно получать часть прибыли на свой личный счет. Отец объявился, когда Кира уже давно была замужем. Она не приглашала родных на свадьбу, не извещала о появлении Варьки. Они не интересовались ее жизнью, и она о них старалась не вспоминать. Николай приехал без звонка и договоренности. Удивился, увидев маленькую внучку, и почему-то резюмировал:

– Она на нас совсем не похожа.

– И слава богу, – ответила Кира, а Сергей сказал:

– Она в мою породу пошла.

Отец не стал ходить вокруг да около, а сразу в лоб заявил, что ему нужны деньги. Толик, будучи тогда еще школьником, вляпался в неприятную историю. Они с дружками обчистили одну богатую квартиру и быстро попались, потому как включать мозги еще не научились. Их вычислили через скупку, куда они тут же притащили украденное. Чтобы решить дело миром, родители двух других пацанов заплатили отступные, а у их семьи таких денег нет. И теперь только Кира может спасти Толика. У нее ведь есть бабушкины деньги. О том, что у Галины с Кирой свой бизнес, отец тогда еще, слава всевышнему, не знал. Вместе с ним дочь сходила в банк и сняла нужную сумму.

– Считай, что я вернула твою долю наследства, – сказала она отцу на прощание, – и ничего вам больше не должна. Хотя я и так не должна вам ничего.

Но этим дело не закончилось. Толик опять попался на воровстве, потом на мошенничестве и дальше по наклонной. А Киру то и дело вынуждали расплачиваться за его грехи. Но когда отец попросил оплатить обучение сына в институте, дочь впервые отказала. Пусть братец сам пробивается в этой жизни. Ей в свое время даже школу окончить не дали, а с чего вдруг она станет оплачивать учебу Толика? Вот пусть его в ПТУ и отправляют, как ее когда-то. Отец обиделся. Но напрягся и помог сыну поступить в институт, правда, не учел того, что любая учеба требует усилий, даже платная. А вкладываться во что бы то ни было мальчик не привык. В итоге вскоре вылетел из института. Работать тоже не спешил, хотел легких денег, чтобы без напряга, по щучьему велению.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.